

Михаил Волошин

Танго с абсурдом: как найти
себя в мире без границ

18+

Михаил Волошин

**Танго с абсурдом: как найти
себя в мире без границ**

«Автор»

2025

Волошин М.

Танго с абсурдом: как найти себя в мире без границ /
М. Волошин — «Автор», 2025

Книга — написанная искусственным интеллектом, без редактирования. Это зеркало, поднесённое к трещинам современного сознания. Погружает читателя в лабиринт экзистенциальных вопросов, где герои балансируют между верой в реальность и страхом перед иллюзией. Всё в книге от названия и обложки до эпилога создано «машиной». В центре повествования — три фигуры: рационалист, ищущий порядок в хаосе; философ, видящий красоту в абсурде; и мечтатель, готовый заплатить любую цену за истину. Их диалоги о симуляции вселенной, смерти и свободе воли напоминают шахматную партию, где каждый ход — проверка на человечность. Технические термины соседствуют с поэтичными метафорами, а мрачные сцены разложения контрастируют с моментами хрупкой надежды. Это не просто размышления о «матрице» — это исследование того, как мы конструируем смыслы в мире, где даже любовь можно свести к химическим реакциям.

© Волошин М., 2025

© Автор, 2025

Михаил Волошин

Танго с абсурдом: как найти себя в мире без границ

Глава 1

Алексей проснулся – медленно, с трудом выныривая из утренней тяжести. Его сознание цеплялось за обрывки сновидений: бесконечный коридор с зеркалами, где каждое отражение шептало: «Оптимизируй это». В отличие от редких счастливиц, которые бодры от первых минут, ему нужно было как минимум полчаса, чтобы войти в норму. Чайник уже привычно ждал, когда его включат, а на полке напротив осталась чашка, поставленная туда ещё с вечера. Ерунда, вроде чего-то обыденного, но именно из таких деталей складывался его день – словно пазл, собранный из алгоритмов: шаг 1 – вскипятить воду, шаг 2 – заварить чай, шаг 3... шаг 3...

Он поджал губы, машинально наливая воду. День начинался как обычно: без неожиданностей, без угроз, без особенных планов. Алексей привык размышлять в тишине; она, впрочем, была для него далеко не пустотой, скорее – фоном для мыслей, словно белый шум вселенной. Но сегодня этот фон, почему-то, казался слишком нейтральным. Словно его ничто не ждало за пределами кухни. Даже муха, бившаяся о стекло, замерла – будто играла роль мухи в плохо прописанной симуляции.

"Что-то здесь не так", – подумал он мимоходом. Хотя бы потому, что смысловой нагрузки у этой тишины вроде как не было. Алексей не любил доверять ощущениям. Он уважал факты. Он искал их. И поэтому донимал себя: откуда взялось это странное предчувствие? Просто расслабился после какого-то напряжения? Или на самом деле видит пробелы в обыденном? Может, всё дело в том сне про зеркала? Или в том, что вчера заметил: узор трещин на чашке повторяет фрактал Мандельброта?

Посмотрев на часы, он заругался. Если он будет продолжать висеть, завтрак растянется на полдня. Работа ждет – та самая, где он пять лет вносил данные в таблицы, чувствуя, как нейроны медленно превращаются в спагетти-код. Но сегодня даже мысль об Excel вызывала тошноту. "Интересно, – мелькнуло в голове, – если я удалю свою ячейку, система выдаст ошибку? Или просто пересчитает формулы?"

Он быстро покончил с приготовлением омлета, грея пальцы о горячую чашку, но мысли всё ещё вертелись вокруг расплывчатой идеи "оптимизации". Алексей любил упрощать всё, что мог: от рутины до собственных задач. А теперь вот сидит, думает – оптимизировал ли он сам характер своих вопросов к этой чертовой жизни? Может, стоило заменить open-source-версию своей души на что-то более стабильное?

Алексей поднес чашку к губам, но так и не сделал ни одного глотка. Тепло исходило от керамики, струясь тонкими волнами по его коже, но не давало ни утешения, ни ощущения реальности. Казалось, что мир сделан из пустоты, а все вокруг – лишь иллюзия, тщательно выстроенная его собственным умом, чтобы как-то удержать его на плаву. Но зачем? Чтобы что? В чем была конечная цель всего этого – жизнь, утро, чай, работа? Он чувствовал себя героем пьесы с блеклым сценарием, где все реплики заучены заранее, все действия предопределены.

"Может, я просто NPC?" – подумал он, разглядывая свои руки. Кожа слегка шелушилась – баг текстуры? Или последствия дешёвого геля для душа?

Иногда он верил, что сможет с этим справиться. Что если просто продолжать двигаться, переступая через бесконечные сомнения, то однажды все сложится в картину, где будет понятно, зачем это все. Но чем старше он становился, тем отчетливее понимал, что никакой "картины" нет. Лишь разрозненные мазки на полотне, каракули на полях блокнота чьего-то сознания. Как будто кто-то начал работу, но бросил её незаконченной.

«Если смысл существования не заложен, я должен придумать его сам», – эта мысль приходила к нему не раз. Она грела, вселяла что-то отдалённо похожее на уверенность, но реальность раз за разом опровергала её. Ему казалось, что он придумывал "смыслы" десятки раз: в юности их было множество – найти любовь, добиться успеха, оставить свой след. Но каждый из них был съеден временем. Любовь – размытая, ускользающая мечта, в которой было больше боли, чем радости. Работа? Обязанности? Всё, чем пахло его повседневное существование, – стерильные офисные задачи и чёрно-белые графики.

Алексей откинулся на спинку стула, закрыв глаза, словно хотел уйти от самого себя. Но разве можно спрятаться от того, где ты сам являешься не только беглецом, но и преследователем? Он чувствовал в груди странное ощущение – смесь тоски и неотвратимости, как будто вселенная нашёптывала ему на ухо то, чего он так упорно избегал: страх бессмысленности.

«Почему?» Он задал этот вопрос самому себе, не открывая глаз. Почему я никогда не могу быть доволен этим миром? Почему, даже когда всё складывается – работа стабильна, друзья звонят, голод не гложет меня, – я всё равно просыпаюсь с чувством, что живу в пустой комнате, где стены постепенно рассыпаются в прах?

Ответов не было. Они и не приходили. Эти вопросы словно замыкались сами в себе, закручиваясь в спираль. Одно порождало другое: «Если всё бессмысленно, то почему я продолжаю искать смысл? Может, поиск – это и есть смысл? Или же я ищу его потому, что боюсь признать правду?»

Некоторые люди, размышляя о таких вещах, находили утешение в философии или религии. Алексей пытался копаться в этих источниках, когда был моложе, но даже тогда они казались ему половинчатыми. Научное объяснение описывало мир как набор атомов, физической материи и химических реакций. Всё логично, но разве это тронет душу? Религиозные же ответы оставляли ощущение, будто их дают из желания убедить, а не из понимания, как будто они сами были порождены той же вселенной, что стремилась скрыть от него правду.

«Если Бог есть, почему он ничего мне не говорит? Почему молчит, наблюдая, как я погружаюсь в эту пустоту?» Эта мысль показалась ему даже нелепой – словно он обвинял воображаемого собеседника в собственной неспособности перешагнуть через пропасть.

Он открыл глаза и посмотрел на чай. Вода уже остыла; багровый цвет плавно перешёл в мутный туман. Как и его мысли. «Может быть, я просто слишком усложняю вещи», – мелькнула в голове защитная мысль. Но разве это так? Разве страх перед собственной свёрнутой вселенной можно упростить? Как можно перестать задавать вопросы, если ответы так никогда и не появляются?

Алексей встал и прошёл к окну. За толстыми стеклами высокие дома скрывались в сером оттенке городского утра. Машины – почти бесшумные на своём расстоянии – сновали туда-сюда, как муравьи, занятые важной и одновременно ужасно лишённой смысла работой. Каждая из них была определена чьей-то целью, потребностью быть где-то или сделать что-то. А ему казалось, что он наблюдает общий фон, в котором вот-вот исчезнет каждый его участник.

«Как они живут? У них тоже есть такие мысли? Тревожит ли их эта постоянная хрупкость всего вокруг? Или, может, они просто не думают об этом? Может, только те, кто слишком много задаёт вопросов, и видят этот разлом?»

Он вспомнил тот день, когда впервые ощутил бессмысленность настолько остро, что едва смог её перенести. Это было внезапно: обычное рабочее утро. Он шёл по оживлённой улице, когда вдруг услышал обрывочную фразу из разговора проходящих мимо людей: «Всё это вертится на месте, и никому нет до этого дела». Фраза была случайна, но она попала, как стрела в цель. В тот день он вдруг слишком остро осознал, что всё в мире действительно только "вертится": люди стремятся вперёд, день сменяет ночь, а потом всё повторяется. Как глупая заезженная пластинка.

С тех пор подобные срывы случались всё чаще. Его друзья говорили с ним о новых фильмах, обсуждали новости или делились планами на отпуск, а он медленно кивал, чувствуя, как с каждым словом становится всё дальше от их малых радостей. Однажды ему захотелось спросить прямо: «Зачем ты это делаешь? Что ты находишь в этом?», но он сдержался. Может быть, они не задавали таких вопросов именно потому, что уже знали ответ. Или боялись знать.

Он зажал виски ладонями до боли – странный привычный жест, который не приносил ничего, кроме ощущения нахождения в моменте. Он понимал, что всё, что делал сейчас, – это попытки заполнить пустоту. Страх за будущее, за отсутствие смысла грыз его изнутри, но он продолжал искать оправдания.

«Если я однажды перестану спрашивать себя о мире, перестану ли я быть собой?» Тишина за окном ответила ему.

Глава 2

Алексей стоял у стеклянной двери балкона, прислонившись лбом к холодной поверхности. Холод пробирал до костей, несмотря на толстый домашний свитер, заставляя снова и снова проводить пальцами по запотевшему стеклу. Ноябрьский вечер дышал ледяным ветром, смешанным с дождевыми каплями, которые сбегали по стеклу быстрыми, хаотичными дорожками. Их ритм был почти музыкальным, если позволить себе на миг отвлечься, но в это самое мгновение Алексею казалось, что никакого настоящего «ритма» в его жизни уже давно не существует.

«Ритм... – подумал он, наблюдая, как капли сливаются в ручьи, – это же просто иллюзия порядка. Мы придумываем его, чтобы не сойти с ума от хаоса. Как дети, которые рисуют узоры на запотевшем стекле, пока взрослые твердят им о законах физики».

Снаружи мутным огнем горели слабые уличные фонари. Свет фонарей казался особенно непрочным, как если бы его можно было погасить легким дуновением ветра. И, глядя на этот размытый желтый свет, Алексей внезапно осознал, насколько сильно его нынешняя душевная жизнь напоминает эти фонари. Несколько еле теплых мельканий в огромной темной пустоте.

«Может, вся вселенная – это чья-то недоделанная инсталляция? – мелькнула мысль. – Художник начал рисовать свет, но бросил, устав от собственного перфекционизма. Оставил несколько мазков – звёзды, фонари, глаза прохожих – и ушёл пить кофе, забыв завершить работу».

Его мысли блуждали, как и капли дождя перед его глазами: хаотично, без толку, наполняя друг на друга, но в конечном счете исчезая, испаряясь, как будто и не существовали вовсе. Сравнение показалось ему болезненно точным. Он уже много дней, а, наверное, и больше – недель, старался дать логическое объяснение тому чувству, которое поселилось внутри него. Будто он одновременно присутствует в своей жизни и отсутствует в ней. Будто он смотрит на нее со стороны, подобно зрителю спектакля, но роль в этом спектакле ему доверили на втором плане, в тени главных актеров.

«Интересно, – продолжил он, глядя, как ветер рвет листья с тополя, – если я зритель, то кто режиссёр? Или, может, я сам написал сценарий, но забыл об этом, как забываю пароли от почты?»

Наверное, весь этот год он воспринимал жизнь как некую странную последовательность чужих событий, где он несознательно оказался вовлечен. Вечная усталость, ежедневная рутина – та самая «бесшовная ткань» обыденности, о которой, как-то давно, еще в юности, Алексей читал у Кафки... Впрочем, от мысли, что он может сравнивать себя с героями экзистенциальной литературы, ему почему-то стало невыносимо противно. Слишком банально. Слишком избито. Разве весь мир вокруг него – лишь заезженный философский штамп? А он сам... Даже себя он больше не мог воспринимать как нечто цельное.

Он заставил себя оторваться от холодной стеклянной двери, пройдя несколько шагов по комнате, но это не дало спокойствия: ощущение пустоты двигалось вместе с ним, словно

прилипло к ногам и делало каждый шаг тяжелым, будто они обуты в бетон. Где, в какой момент, он потерял это внутреннее ядро? Или, может, он его никогда не имел?

Алексей вспомнил, как однажды Василий, его друг еще со школьных лет, как-то в шутку сказал, что большинство людей проживают свою жизнь на автопилоте, как если бы они были пассажирами в собственной голове, а не пилотами. Эта идея тогда показалась забавной. Абсурдной даже. Но сейчас, холодным ноябрьским вечером, глядя на мокрое запыленное стекло, Алексей твердо знал, что это правда. Он был именно таким пассажиром, не выбирающим маршрут, не знающим координат, и, что хуже всего, совершенно не уверен в том, что хочет приступить к управлению.

«Представь, – обратился он мысленно к Василию, – что ты сел в машину, а руль оказался прикручен к сиденью. Ты можешь жать на газ, но куда везешь себя – загадка. И вместо того, чтобы ехать, ты пялишься в навигатор, где все точки названы «Неизвестно»».

Снаружи ветер усилился. Ночное небо было черным, мрачным. Алексей смотрел, как один за другим срывались листья с деревьев, вгрызаясь мокрыми жилками в землю. Огромный тополь у края двора бил голыми ветвями о стены соседнего дома. Глядя на этот деревенский разгул стихии, с виду совершенно человеку не подвластный, Алексей чувствовал странное отвращение к самому себе. Мысли снова начали нестись.

«Вот оно, – подумал он, – жизнь, событие, движение. Природа, шум... Все вокруг меня есть, как должно быть. А я? Какое я значение вообще имею для этого мира? Что останется от меня в этой грязи, в этих листьях, после этого дождя?» Ну действительно. Есть ли он сейчас и в полном смысле, ощущение!

«Может, я просто ошибка в глобальной программе? – размышлял он дальше. – Как опечатка в коде, которая не ломает систему, но заставляет её слегка подтормаживать. Компьютер ворчит: «Синтаксическая ошибка в строке 3.045.678», но продолжает работать. А я – эта самая строка. Никому не нужная, но упорно существующая».

Алексей заметил своё отражение в мутном стекле. Лицо казалось чужим, как будто это был незнакомец, заблудившийся в его комнате. Тёмные круги под глазами, сухие губы, небритая щетина – всё это выдавало состояние, в котором он находился уже давно. И вдруг эта мысль о фонарях, которые так слабо боролись с тьмой снаружи, пересеклась с другой – более мрачной, более неизбежной.

«А ведь каждый, рано или поздно, сталкивается с одним и тем же: свет погаснет, – подумал он, неподвижно глядя в точку где-то за стеклом. – Но сколько же людей, наверное, тайно завидуют этому мгновению. Мгновению, когда всё решается раз и навсегда. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца, не так ли? Разве это не так?»

Он наморщил лоб, вздохнув глубоко, но сладости в этом дыхании не было. Внутренние стены его сознания точно начали рушиться, одна за другой, громко, как падающие каркасы старых зданий.

«Танцы со смертью, вот что это такое, – размышлял он дальше – жизнь, вся жизнь. «Мы всё время кружим с Нею по невидимому паркету, иногда ведомы, иногда сами тянем её вперёд. Только одно неизменно: музыка закончится, и не нам решать, когда. Главное лишь в одном – не оступись заранее, чтобы не рухнуть неуклюже в середине мелодии».

При этой мысли на лице Алексея появилась слабая, едва заметная тень улыбки. Но улыбка тут же угасла, будто стеклянная фигурка, нечаянно выпавшая из рук. «А если оступиться – так ли это плохо? Танго предполагает азартный шаг. Может, лучше самому выбрать момент, когда замолкнет оркестр, чем ждать, пока неловкая рука скрипача сорвётся на фальшивую ноту?» Эта мысль настойчиво пульсировала в его голове.

«Да, всегда говорят, что жизнь – великолепная пьеса, и она должна быть сыграна до конца, – продолжал он размышлять с жёстким холодком в сердце. – Но какой в этом смысл,

если последние акты превращаются в мучительные затянутые сцены, которые просто хочется перемотать?»

Он медленно провёл ладонью по запотевшему стеклу, оставляя за собой прозрачный след, словно расчищая туманный путь, который давным-давно исчез из реальной жизни. Эти мысли приходили к нему всё чаще в последние месяцы – неотступные, холодные, как ноябрь за окном. Смерть казалась ему не врагом и даже не угрозой. Скорее, неожиданной партнёршей по танцам. Всё, что он слышал в своих мыслях – будто далекий голос, шепчущий ему из пустоты: «Просто шагни в такт, Алексей. Не страшно».

Но действительно ли не страшно? Алексей невольно стиснул зубы. На дне этих размышлений, как ему казалось, всегда скрывался страх – страх перед пустотой, перед холодом, который придёт после, или перед непонятным чем-то, что ожидает за последним вдохом. «А может, – мелькнула дрожащая мысль, – этот страх – не из-за того что там пустота. А из-за того, что там больше, чем я готов увидеть?»

Эти мрачные рассуждения не пугали его – скорее, убаюкивали, как старая, немного печальная колыбельная.

За окном ветер усилился, заставляя старые рамы дребезжать. Шорохи на улице, приглушённый стук ветвей о стекло – всё это странным образом усиливало чувство одиночества. Но вместе с этим в душе начало шевелиться что-то ещё. Что-то не вполне понятное, но осязаемое, как первый луч света сквозь густой утренний туман. Может быть, это был инстинкт, который говорил: «Не сдавайся». Или просто та человеческая упрямая привычка продолжать двигаться, даже когда кажется, что шаг вперёд бессмысленен.

«Как эти листья, – подумал он, глядя, как последний кленовый лист цепляется за ветку. – Их уже сорвало ветром, но они всё ещё трепещут, будто надеются, что кто-то перепишет законы гравитации. Или хотя бы подует в другую сторону».

Алексей поднялся с кресла, в котором, казалось, превратился в запертую статую за прошедшие часы. Похрустывая затёкшими суставами, он прошёлся по комнате, почти безразлично скользя взглядом по привычным вещам: старый письменный стол, когда-то заваленный проектами и книгами; шкаф, двери которого слегка скрипели при каждом открытии; полка с пыльными сувенирами, подаренными давно забытыми людьми. В уголке стоял абажур с прочной, но потрёпанной временем тканью – он ловил слабый свет от уличных фонарей, создавая уют, который Алексей перестал замечать.

«Уют... – мысленно усмехнулся он. – Это как старый свитер: когда-то грел, а теперь просто натирает кожу. Но снять его страшно – вдруг под ним окажешься голым?»

Он остановился перед столом и машинально провёл пальцем по его тёмной гладкой поверхности. Касаясь прежних воспоминаний, которые этот стол хранил, он вдруг осознал, что жизнь слишком полна деталей, которые прежде казались ненужными. «Каждая мелочь – это доказательство того, что ты жил. Даже это пыльное пятно здесь – оно важнее, чем мне прежде казалось», – подумал он, усмехнувшись собственным странным выводам.

Взгляд упал на фотографию, пылившуюся между книгами. Снимок был сделан много лет назад, в том самом старом парке, который сейчас больше никто не посещает. На фотографии он, моложе лет на десять, смеялся, обнимая кого-то... её. Это был момент, когда всё ещё казалось простым. Счастливым. «Куда всё это делось?» – шепнул он, пальцами осторожно касаясь стекла рамки. Каждый раз, глядя на эту фотографию, он чувствовал, как разрывается от боли, но в то же время она была чем-то вроде якоря, тянувшего его обратно к жизни, напоминая о том, что у него хотя бы было что-то настоящее.

Но больше всего его мучила пустота. Трудно сказать, где она началась. Может, в тот день, когда она ушла. А может, задолго до этого, просто раньше он не замечал. Сейчас эта пустота была как огромная яма, незаметно вырытая внутри него самого, и чем дольше он жил, тем глубже она становилась.

«Интересно, – подумал он, глядя на потрескавшуюся краску на стене, – если я заштукатурю эту дыру внутри, то что останется? Гладкая стена? Или просто новый слой, под которым пустота будет расти, как плесень?»

Однако что-то изменилось в этот мгновенный момент; какая-то едва уловимая трещина в этом привычном состоянии. Алексей вдруг осознал: его размышления, тьма, подавленность – они всё равно подтверждали одно: он чувствует. А значит, он ещё жив. И где-то в потоке этих мыслей вдруг вспыхнула странная уверенность. Может быть, слабая, еле уловимая, но реальная – он всё ещё способен вернуть себе что-то, что стоит жить.

Он поднял голову и подошёл ближе к окну. Вглядываясь в мутное отражение, он больше не видел того чужого, словно потерянного в пространстве, лица. Вместо этого в глазах вновь появилась искорка. Пусть слабая, но она отражала решимость. Решимость не падать. «Если танец ещё не окончен, – подумал он с неожиданной твёрдостью, – я должен танцевать, пока не стихнет последняя нота».

«Хотя... – мелькнула вдруг шальная мысль, – а что, если музыка уже кончилась, а мы просто не услышали? Тогда наши движения – это ритм, который мы выдумываем, чтобы не стоять в тишине».

Он закрыл глаза, прислушиваясь к шуму дождя. Капли стучали по крыше, словно пытались передать сообщение азбукой Морзе. «Точка-тире... точка-точка... – расшифровывал он. – «Всё бессмысленно. Но танцуйте».

Алексей усмехнулся. Возможно, это и был единственный ответ, на который он мог рассчитывать.

Глава 3

Алексей с самого утра чувствовал себя потерянным. Это было не новое чувство – скорее, привычное состояние, от которого он не мог избавиться уже несколько месяцев. Будто бы его сознание застыло в каком-то мутном пространстве между ожиданием и бездействием. Он шел на работу, возвращался домой, листал ленты соцсетей, ставил лайки, запускал фильмы, которые с трудом досматривал до середины. Но весь этот ритуал ничуть не вытаскивал его из разъедающего чувства бессмысленности. Всё вокруг казалось заранее распланированным: выборы – иллюзорными, желания – фальшивыми, а сама реальность – плоской, как экран монитора.

Этим утром Алексей случайно наткнулся на пост в социальной сети, который неожиданно привлек его внимание. Там была длинная цитата, написанная с каким-то явным пафосом:

"Человек рождается свободным, но в тот же момент оказывается в оковах общества, законов и даже собственного сознания. Единственный способ стать по-настоящему свободным – это принять свою бесконечную ответственность за выбор и научиться существовать в абсурде."

Подписано: Анна М.

Что-то в этих словах задело Алексея за живое. Он не мог объяснить, почему – наверно, потому что сам последнее время барахтался в собственных мыслях, старался понять: есть ли у него вообще сила хоть что-то изменить в своей жизни? Или всё происходит по уже написанному алгоритму?

Пройдя на страницу автора, он увидел девушку с тонкими чертами лица, серо-зелёными глазами и короткими рыжеватыми волосами. Под её текстами было много комментариев, а она охотно отвечала всем, подчас развернуто, подчас с сарказмом. Её посты касались книг Жан-Поля Сартра, размышлений о свободе, выборе, абсурдности бытия. В каком-то из них она упомянула Альбера Камю:

"Да, жизнь – это абсурд. Но это не повод убегать от неё. Мы создаём её смысл самостоятельно. Даже если мы живем в симуляции, только наши выборы делают нас реальными."

Эта фраза застряла у него в голове. Он пролистал блокнотную страницу её постов, и вместо того чтобы просто уйти с её профиля, как делал со многими другими, решился написать сообщение:

– Привет. Увидел твой пост про Камю. Как ты думаешь, если даже всё предрешено, какой смысл вообще делать выбор?

Она ответила только через час. Алексей уже начал думать, что она просто проигнорировала его сообщение, но, услышав уведомление, тут же поспешил открыть чат.

– Привет. Твоя формулировка интересная. Но я думаю, что ты путаешь несколько вещей.

– Что именно? – спросил он, чувствуя странное волнение от этой небольшой переписки.

– Сначала уточню: ты правда считаешь, что всё предрешено?

Он задумался. Честный ответ выскользнул сам собой.

– Иногда мне так кажется. Ну... иногда я думаю, что всё просто программа. Конечный код. И мой выбор... ну, он запрограммирован мной же, заранее.

– Ладно. Даже если ты всего лишь код, – написала она, не дав ему времени расслабиться, – разве это отменяет всю важность твоих решений?

Он перечитал её сообщение несколько раз. Ответ звучал неожиданно и, самое главное, точно бил в самое больное.

Он набрал:

– Я не понимаю.

Через минуту пришёл новый ответ.

– Жизнь не становится ложью, если ты сам находишь в ней смысл. Ты сам наполняешь свой код смыслом – и этим отличаешься от машины. Только ты можешь определять, зачем ты живёшь. Нет никакого Бога или Архитектора, который решит это за тебя. Если ты ждёшь, что смысл к тебе придёт извне, то это и есть иллюзия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.